

Труда
30-12-93

ЯРАНГИ НА ХОЛМЕ

Путешествие к далекому стойбищу, где богов угощают чаем

У друга нашей газеты, известного путешественника Яцека Палкевича — событие: московское издательство «Артлик» выпустило его новую книгу «Профессия—жизнь». Как и все предыдущие, она о приключениях, выпавших на долю автора в экспедициях по местам, редко посещаемым туристами, в том числе и в России, в республиках бывшего Союза. Чтобы дать читателям представление о новом сборнике, мы публикуем репортаж, написанный Я. Палкевичем для «Труда».

— В книге об этом говорится пространно,—объяснил он,— газета же требует краткости...

После зимнего странствия по Якутии мне очень захотелось побывать в Сибири летом, и я сразу же принял предложение группы русских друзей вновь пройти по этой земле. Перелет Милан—Москва занял четыре часа, затем еще восемь часов лета—и мы в Певеке, на берегу Северного Ледовитого океана. Отсюда вертолет доставляет нас к озеру Эльгыгытгын, что в переводе с чукотского означает «Никогда не замерзающее».

Озеро, имеющее в диаметре 12 км, было открыто только в 1933 году. Не знаю, известно ли вам, но это одно из самых таинственных озер. Здесь якобы живет Калилга—чудовище, сравнимое разве что с Несси из шотландского озера Лох-Несс. Только вот разница: Несси привлекает тысячи любопытствующих, местные же жители, чукчи-оленьеводы, никогда не пригоняют свои стада к берегам этого водоема. Нам, приезжим, их суеверный страх неведом. Хотя и мы допускаем: да, возможно, Калилга—не вымысел. Разве не могут быть свои тайны у озера, которое, как считают геологи и геофизики, образовалось три миллиона лет назад в результате падения метеорита, весившего сто миллионов тонн? Правда, это предположение—на втором плане, а на первом—вероятность встречи с самыми крупными на Чукотке (так утверждают) медведями. Ну и еще — несказанное удовольствие половить знаменитого гольца, весьма ценную рыбу, отдельные экземпляры которой достигают 15 кг.

Именно здесь началось наше новое путешествие. Намечен маршрут: пройти на шести лодках 500 км вниз по течению реки Эльмувеем. Знатки обещают: это району ни с чем не сравнимой, дикой красоты с остроконечными горами, отражающимися в воде. На их склонах и летом там и сям лежит снег, испещренный следами оленей, волков и медведей, приходящих на водопой. Потом снежные

пята сменяются зелеными склонами холмов, на которых пошвыстывают суслики, тотчас исчезающие в норах, едва закружат над ними орлы.

Забегая вперед: нам открылся и впрямь прекрасный, потрясающий воображение пейзаж! И хотя сейчас, когда вы читаете этот вроде бы летний репортаж, на дворе мороз и сугробы, он — ко времени. Почему? Потому что возникает некая отстраненность от нахлынувшего на нас бедствия — тучи комаров снимались с берега и атаковали, слоем покрывая незащищенные участки нашей кожи. Да, у нас были противокосмарные сетки, прикрепленные к специальным шляпам. Они защищали лицо и шею, но стоило лишь на мгновение приподнять сетку, и лицо сразу же распухло от укусов кровососущих насекомых. Во время стоянок не спал даже дым, наоборот, он привлекал комаров идущим от костра теплом. Днем становилось легче — ветер рассеивал и тучи мошкары, и облака, краски обретали яркость в чистой голубизне неба, в зелени травы, на которой выделялись белые «кудри» дикого хлопка. Правда, ослепляли солнечные лучи, отражаясь вдобавок от речной струи, — они «скрывали» торчащие из воды каменные глыбы. После 8—10 часов лавирования между ними мы наконец нашли место, где можно разбить бивак.

Так повторялось десять дней, пока мы шли вниз по реке. И вот вдали, на вершине холма, увидели яранги чукчей. В этих круглых, покрытых оленьими шкурами жилищах летом остаются только дети и женщины, взрослые парни и мужчины кочат по тундре с оленями. А стада их засчитывают порой несколько тысяч голов. Чукчей же около пятидесяти тысяч, и, судя по увиденному нами, они очень медленно привыкают к цивилизации. Едят сливочное масло, которое сюда привозят в консервных банках, а вот оленье мясо коптят, как и раньше, над

счагом в яранге. Иногда в каком-нибудь стойбище появляется кто-то в джинсах, но скоро меняет эту модную одежду на традиционную меховую. Да, для связи с остальным миром у них есть радиопередатчики, однако часто они стоят бок о бок со старинными барабанами, которые используют шаманы.

Наша эпоха — эпоха контрастов. Не все традиции умерли. Вот и здесь старая женщина, прежде чем наполнить стаканы чаем, проливает немного на пол.

— Почему? — спрашиваю.

— Это — это богом...

— Каким? — настаиваю.

Она пожмает плечами:

— Богов много. Последняя шаманка умерла у нас несколько месяцев назад, ей было 90 лет. Она знала всех богов. Разговаривала с добрыми духами, отгоняла злых, которые насылают болезни и пожары. Теперь мы остались одни...

На возвышении под балдахин, прикрытый оленьим мехом, спит ребенок. Ему месяцев десять. Проснувшись, вылезает из-под шкур, пробирается на четвереньках поближе к огню. Мать берет его на руки, переносит на большую шкуру, где лежит внушительных размеров собака. Ребенок и собака играют: если малыш пытается сползти со шкуры, пес мордой осторожно опрокидывает его, подталкивает назад, не дает уползти. Настоящая нянька!

Жизнь тут течет так же, как и много веков назад. Летом они много работают, чтобы подготовиться к длинной зиме: собирают ягоды, корни, хворост, который приносит река, выделывают

вают шкуры животных. Ветер, постоянно обдувающий верхнюю холма, где стоят яранги, хоть и уносит то небольшое тепло, которое дарит людям северное лето, тем не менее хотя бы сдувает комаров и мошку.

— Нас осталось немного, — говорит наша хозяйка, мать двоих детей. — Молодежь уезжает учиться и уже неохотно возвращается в тундру. Они забывают родной язык и не понимают стариков, которые не знают русского. Наши обычай умирают. Мы опоздали на поезд, который мог бы увести нас в лучшее будущее, — с горечью заканчивает она.

Кстати, она никогда не видела поезда...

В самом ли деле мы встретили последних представителей исчезающего народа? Не знаю.

На реке, на прибрежных песчаных косах мы видим свежие медвежьи и оленьи следы. Утки, гуси, чайки, еще какие-то птицы выют гнезда в низкой траве, плавают в реке, стаями поднимаются в воздух... Вряд ли увидим все это еще раз. А жаль, но впереди — Анадырь, где мы сможем уже спать в постелях, вымытых горячей водой...

Теперь мы лучше знаем планету Сибирь — эту дикую, страдающую, привлекательную землю. А что можно сказать о народе, который здесь живет? Чукчи — у себя дома, а вот для новых сибиряков, которые приезжают сюда, чтобы осваивать богатства недр, — подходит ли для них такая жизнь?

Яцек ПАЛКЕВИЧ.

Фото автора.

(Перевод с итальянского).